

Г. Сенкевич

Путевые очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С31

С31 **Сенкевич Г.**
Путевые очерки / Г. Сенкевич – М.: Книга по Требованию, 2015. – 442 с.

ISBN 978-5-458-09735-2

Письма из Африки. Письмо из Венеции. Письмо из Рима. Нерви. Перевод
В.М. Лаврова. Издание редакции журнала "Русская мысль".

ISBN 978-5-458-09735-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

корпусомъ. Поднимають помость, по которому входятъ на палубу; стоящія внизу лодки съ различнаго рода продавцами тихо отплываютъ въ сторону; пароходъ рычитъ во второй разъ, наконецъ: *go ahead!*—мы двигаемся.

Во всякомъ случаѣ, я предпочитаю ѣхать, чѣмъ ждать. Неаполь—это чудо міра, сонъ античнаго грека, но ждать вездѣ скверно, даже въ Неаполѣ. Наконецъ, мы хотѣли «*vedere Napoli e poi...* Египеть»,—значить, намъ было скучно. Послѣдній день тяжелъ въ особенности, потому что это былъ канунъ Рождества. Сидя въ залѣ отеля на *Piazza Umberto*, я мечталъ о закопанскомъ лѣсѣ, ясно освѣщенныхъ окнахъ, о радостныхъ крикахъ дѣтей при видѣ елки, и думалъ, что этого не замѣнить ни *Santa Lucia*, ни великолѣпный султанъ Везувія, который отъ времени до времени вспыхивалъ на темномъ небѣ.

Такія мечтанія о далекой родинѣ—словно туманъ. Они омрачаютъ свѣтъ и дѣлаютъ угрюмымъ самый свѣтлый день. А пока я сидѣлъ въ этомъ туманѣ, подавленный унылыми думами, въ гостиницу внесли умирающаго чело-вѣка. Тащили его четверо; руки его бессильно болтались, глаза были закрыты, лицо землисто-сѣраго цвѣта. Эта печальная группа проскользнула какъ разъ около меня, а черезъ минуту къ моему креслу подошелъ распорядитель гостиницы и спросилъ:

— Вы знаете, кто этотъ больной?

— Нѣтъ.

— Это великій Шлиманъ.

Бѣдный «великій Шлиманъ»! Откопать Трою и Микены, завоевалъ себѣ безсмертіе и теперь умираетъ... Уже въ Каирѣ газеты принесли мнѣ вѣстіе о его смерти.

Изъ такого-то ряда впечатлѣній слагался мой канунъ Рождества, и вотъ почему не безъ радости я услышалъ на слѣдующій день: *go ahead!*

Заливъ былъ гладокъ, не такого немилосердно-лазурнаго цвѣта, какъ бываетъ по временамъ Средиземное море, скорѣе цвѣта незабудки съ отблесками жемчуга, стали, мѣди, матоваго серебра. Отблески эти, сверкая, соединяясь и разбѣгаясь, сплетались въ какую-то трепещущую сѣть, ежеминутно мѣняющую свою окраску. Чтò было въ особенности великолѣпно, такъ это изящество и мягкость общаго тона, а это не часто увидишь въ Средиземномъ морѣ, которое вообще скорѣе отличается грубымъ тономъ. Впрочемъ, Неаполитанскій заливъ составляетъ исключеніе. Можно подумать, что греки, которые когда-то цѣлымъ роємъ облѣпляли эти берега, принесли съ собою въ даръ здѣшнему морю мягкую лучезарность Архипелага.

Солнце мало-по-малу закатывается за Искію. *Равенна* не вздрагиваетъ, только своимъ вишномъ разбиваетъ въ дребезги сафиры, жемчугъ, опалы и, слегка наклонившись на

бокъ, летить какъ чайка. Мы минуемъ Сорренто, потомъ проскальзываемъ между возвышенностью Кампанелли и обрывистымъ берегомъ Капри, и въ открытомъ морѣ мало-по-малу начинаемъ погружаться въ ночной мракъ.

Я рѣшилъ не спать, чтобъ увидеть Липарскіе острова и вулканъ Стромболи, который каждую ночь, какъ гигантскій фонарь, освѣщаетъ темную пустыню моря, и поэтому послѣ поздняго обѣда вышелъ на палубу. Вѣтряно и холодно. Пароходъ начинаетъ карабкаться на волны, но продѣлываетъ это свободно, безъ затрудненія, какъ играющій дельфинъ. Сейчасъ видно доброе судно! Но до Липарскихъ острововъ еще далеко, вдали ни малѣйшаго огонька. Тѣмъ временемъ тучи, которыя днемъ укрывались, точно сказочные змѣи, въ ущельяхъ горъ, теперь, словно пользуясь мракомъ, выползаютъ изъ своей засады и начинаютъ ползти по небу. То и дѣло заслоняютъ онѣ мѣсяцъ и звѣзды, а вѣтеръ въ свою очередь сгоняетъ и разгоняетъ ихъ, какъ овчарка стадо. Тучи скопляются все въ новыя и новыя громады и, кажется, преслѣдуютъ наше судно.

Проходитъ часъ, проходитъ другой. Въ гостиной, внизу, гаснутъ огни, электрическія лампы на палубѣ гаснутъ тоже, остается только нѣсколько цвѣтныхъ фонарей; люди всѣ уgomонились, только отъ времени до времени, черезъ ровныя промежутки, раздается звонокъ дежурнаго, на ко-

торый иногда отзовется голосъ съ посовой части. И опять воцарится тишина.

Но тишина условная. Машинна не спить никогда и своимъ мѣрнымъ «гда, гда, гда» отмѣчаетъ каждый пройденный шагъ. Вокругъ же шумитъ море тѣмъ страннымъ ночнымъ шумомъ, въ которомъ какъ будто различаешь то голоса и призывъ людей, то вздохи, а по временамъ и рыданія. Въ этомъ кроется что-то необычайно печальное, потому что съ понятіемъ о ночи въ человѣческомъ умѣ невольно соединяется понятіе о снѣ и покоѣ, тогда какъ это ночное движеніе, это колебаніе волнъ представляется мукой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалобами существа, которому никогда и отдохнуть не дозволяется.

Проливной дождь согналъ меня съ палубы и не позволялъ увидеть Стромболи. Утро застало насъ уже въ Мессинской тѣсинѣ. День блѣдный и холодный. Сицилійскіе берега кажутся сѣрыми и унылыми, потому что когда солнца нѣтъ—все уныло, а въ нынѣшнюю зиму солнца немного и въ Египтѣ. Одинъ лучъ—и эта Сицилія заиграла бы сразу Богъ вѣсть сколькими красками. Туманъ понижаетъ горизонтъ и приплюсчиваетъ даже горы. Припомнился мнѣ отрывокъ изъ *Ванды Деотимы*:

Покуда сердце не любило,
Жизнь—это будто кругозоръ,
Гдѣ ни долинъ, ни высей горъ

Сіянье дня не озарило,
И краски жизни мракъ ночной
Могильной кроетъ пеленой.
Но только зорька золотая
Сверкнетъ, порвавши свитки тучъ,—
Во всѣхъ извилинахъ блистая,
Безсмертной жизни вспыхнетъ лучъ.
Цвѣты въ ихъ нестромъ хороводъ
Изъ тѣни выступаютъ свѣтло.
Что совершилось въ природѣ?
На небѣ солнышко взошло...

Но солнце не всходитъ. Судно мчится вдоль сицилійскаго берега такъ быстро, какъ будто боится чего-то. И дѣйствительно, когда-то со страхомъ прокрадывался черезъ эти воды, потому что тутъ было обиталище Сциллы и Харибды.

Послѣ ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широкаго неба
Острой вершиной восходить одна; облака окружаютъ
Темно-сгущенныя ту высоту, никогда не рѣдѣя.
Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ, ни осенью свѣтелъ
Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый
Смертный, хотя-бъ съ двадцатю былъ руками и двадцать
Ногъ бы имѣлъ,—столь ужасно, какъ будто обтесанный,
гладокъ

Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,
Темнымъ жерломъ обращаема къ мраку Эреба на западъ;

Мимо ея ты пройдешь съ кораблемъ, Одиссеей много-
славный;

Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленной
съ моря

Быстролетающей стрѣлою до входа высокой пещеры;

Страшная Сцилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лал,
Визгомъ пронзительнымъ, визгомъ щенка молодого по-
добнымъ

Всю оглашаетъ окрестность чудовище. Къ ней прибли-
жаться

Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ.
Двѣнадцать

Двигается спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
Шесть поднимается длинныхъ, изгибистыхъ шей; а на
каждой

Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертию, сверкають;
Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ
пещеры,

Всѣми глядитъ головами изъ лога ужасная Сцилла.

Лапами шаря кругомъ по скалѣ, обливаемой моремъ,
Ловить дельфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ легкимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти ра-
зинувъ,

Разомъ она по шести чловѣкъ съ корабля похищаетъ.

Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:
Ниже она; отстоять же отъ первой на выстрѣлъ изъ лука.
Дико растетъ на скалѣ той смоковница съ тѣнью широкой.
Страшно все море подъ тою скалою тревожить Харибда,
Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая
Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглощаетъ:
Самъ Посидонъ отъ гибели вѣрной тогда не избавить.

Теперь времена измѣнились: Харибда не поглощаетъ
уже черную влагу, а Сцилла потеряла зубы,—вѣроятно,
отъ старости,—и не похищаетъ моряковъ. Теперь тѣснипа
не считается въ числѣ опасныхъ морскихъ проходовъ.
Для нашей *Равенны*, которая нѣсколько разъ въ годъ
пройдетъ вѣчно грозное Красное море и еще болѣе гроз-
ный Баб-эль-Мандебъ, это ничто иное, какъ забава.

Наконецъ, передъ прибытіемъ въ Неаполь, *Равенна*
выдержала бурю и хоть бы что. Волны унесли лодку,
пассажиры вылетали изъ своихъ коекъ, одинъ молодой
англичанинъ разбился даже порядочно. Но всѣ объ этомъ
разсказываютъ спокойно, какъ о самомъ обыкновенномъ
эпизодѣ путешествія. Всѣ ѣдутъ изъ Лондона, значить,
уже привыкли къ морю, никто не хвораетъ. Большинство
направляется въ Калькутту,—значить, теперь не проѣхали
и половины дороги.

Пассажиры—кромѣ насъ и одного молодого индуса—
всѣ англичане. Есть нѣсколько миссъ; одна, молодая и

хорошенькая, цѣлый день прогуливается по палубѣ, придерживая, при помощи зонтика, свое платье, которое нескромный вѣтеръ тербитъ, какъ ему угодно. Молодой индусъ цѣлый Божій день спитъ, или, вѣрнѣе сказать, лежитъ въ креслѣ съ задрапаннымъ сверху погами, продѣлывалъ, да и то съ большою неохотой, только тѣ движенія, которыя необходимы для закуриванія трубки. Сойдетъ внизъ обѣдать или завтракать, а затѣмъ я не видаю, чтобы онъ хоть рукой пошевелилъ. Вѣроятно, это какой-нибудь знатный индусъ, можетъ-быть, сынъ раджи, возвращающійся изъ Оксфорда или Кембриджа. Его золотисто-зеленый цвѣтъ лица и черные бархатные глаза, вѣроятно, много бы выиграли, еслибъ онъ носилъ тюрбанъ, но въ сѣромъ англійскомъ пиджакѣ и въ сѣрой фуражкѣ о двухъ козырькахъ молодой раджа кажется приказчикомъ изъ магазина. Вообще онъ утомленъ дорогой, наукой или жизнью и едва отвѣчаетъ англичанамъ, когда тѣ заговорить съ нимъ.

На палубѣ полное отсутствіе характеристичныхъ фигуръ. Даже капитанъ похожъ не на морского волка, а на добродушнаго англійскаго фермера. Но ремесло свое, видимо, онъ знаетъ, и, глядя на него, всякій невольно проникается увѣренностью, что этотъ человѣкъ ни самъ не утонетъ, ни пассажировъ своихъ не потопитъ.

Сѣрое небо, сѣрое расположеніе духа,—на лицахъ ви-

день отпечатокъ скуки. Какой-то пятимѣсячный *baby* составляетъ *great attraction*,—и, нужно воздать ему справедливость, дѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы привлечь всеобщее вниманіе: кричитъ съ утра до вечера благимъ матомъ, а по ночамъ не даетъ намъ спать. Молодой докторъ, похожій на лорда Байрона, и такой же красивый, заботливо ухаживаетъ за *baby*, а также и за его матерью, правда, не похожею на лорда Байрона, но все-таки красвою дамою.

Погода переменчивая. Отъ времени до времени дождь такъ неожиданно брызнетъ на прогуливающихся по палубѣ, какъ будто бы хочетъ сдѣлать это имъ на зло, а себѣ на утѣху. Большинство пассажировъ предпочло бы, навѣрное, или хорошую погоду, или добрую бурю. По крайней мѣрѣ хоть развлеченіе.

На третій день, казалось, это послѣднее желаніе готово было исполниться. Съ утра насъ начинаетъ сильно покачивать, къ полудню качка усиливается, а вмѣстѣ съ этимъ является неизбѣжная апатія и головокруженіе. Море принимаетъ темный цвѣтъ, потомъ темнѣетъ еще болѣе, и на этомъ угрюмомъ фонѣ, куда ни погляди, бѣлые барашки все выше и выше вздымающихся волнъ. Пароходъ работаетъ изо всѣхъ силъ, — карабкается кверху, зарывается носомъ въ волнахъ, опускается внизъ, переваливается съ боку на бокъ и скрипитъ. Верхушки волнъ переливаются

через палубу. Мы находимся на высотѣ западной оконечности Канди. Вечеръ не приноситъ успокоенія, ночь также, а на другой день становится еще хуже. Это не мѣшаетъ воскресной молитвѣ, но за столъ, вмѣсто сорока человѣкъ, садятся только пятнадцать. Стаканы, рюмки и тарелки въ рамкахъ. Теперь мы поровнялись съ восточнымъ берегомъ Канди. Судно извивается и ворочается, точь-въ-точь больной человѣкъ. Такъ проходятъ третій и четвертый день.

На пятый — все измѣняется. Пробудить насъ лучъ солнца. Выходимъ на палубу: небо ясное, хотя и блѣдное, море тоже блѣдное, но спокойное. Въ воздухѣ разлита какая-то неописанная мягкость, вѣтра нѣтъ, тишина полнѣйшая, чувствуется дыханіе весны. Туманъ скопляется на краю горизонта въ какія-то фантастическія, воздушныя зданія, которыя мягко разсынаются и тонутъ въ глубинѣ моря. Среди этой тишины и мягкости судно идетъ спокойно впередъ, а за нимъ тянутся цѣлыя стада чашекъ,— въ предыдущіе дни ихъ не было. Вдругъ раздаются голоса: *Look here! Look here!*—и нѣсколько рукъ протягиваются по направленію борта лодки. Смотрю и я и вижу маленькую сѣрую птичку, совсѣмъ похожую на жаворонка. Сидитъ она на канатѣ, какъ разъ около борта, и съ полнѣйшимъ довѣріемъ посматриваетъ на людей своими маленькими, какъ бисеринки, глазками. Есть отъ чего